

М.М. Сидорова*

«АЗИАТСКАЯ ПРОГРАММА» РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

На протяжении всей истории России восточное направление регулярно выходило на внешнеполитическую авансцену. Несмотря на то что «большая политика» делалась в Европе, руководство страны не забывало о своих интересах в Азии, а в критические с точки зрения внутреннего развития моменты предпринимало целенаправленные действия по продвижению на Восток. Наиболее масштабной попыткой такого рода стала «большая азиатская программа» императора Николая II. Исследование предпринятых на рубеже XIX–XX вв. шагов и выявление причин, их вызвавших, весьма актуально в наше время, когда современной России приходится сталкиваться практически с теми же проблемами, что стояли перед ней 100 лет назад.

Ключевые слова: Россия, АТР, государственные интересы, геополитика, «большая азиатская программа», внешняя политика, переселение.

Сказанная более полутора веков назад английским премьер-министром Г. Пальмерстоном фраза о том, что «у Англии нет вечных союзников и постоянных врагов – вечны и постоянны ее интересы» [см.: 8] и в наше время применима к любой стране, считающей себя серьезным актором мировой политики. Каковы же «вечные и постоянные» интересы Российской империи – СССР – Российской Федерации? Разумеется, они не являются неизменной данностью, а обладают динамизмом. Сохраняя определенную преемственность в плане стратегических, магистральных устремлений, государственные интересы конкретизируются в определенный исторический период, исходя из важнейших военно-политических, социально-экономических и культурно-исторических причин.

На протяжении всей своей истории Россия склонялась то к Европе, то к Азии, но никогда не ассоциировала себя полностью ни с той, ни с другой. Неслучайно российский государственный герб украшает широко раскинувший крылья двуглавый орел. Пришедший на Русь из Византии, этот царственный хищник традиционно является одним из древнейших символов власти, силы и мудрости. Две головы орла с малыми коронами – «Царство Западное и Царство Восточное», – увенчанные одной большой, символизируют

* Сидорова Марина Михайловна – к.и.н., старший научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН (e-mail: editor.fmp@yandex.ru).

их объединение в едином государственном теле [33, с. 21–31]. В подобной географически предопределенной обращенности одновременно и к Западу, и к Востоку – особенность русской культуры и извечная дилемма русской геополитики.

Разделение российской внешней политики на западную (европейскую) и восточную (азиатскую), которые различались не только целями, но и методами их достижения, относилось еще к периоду татаро-монгольского ига. В течение восьми столетий целенаправленной борьбы Россия разгромила своих основных военных противников – Польшу, Швецию, Турцию – и проложила себе дорогу к Балтийскому и Черному морям. После присоединения огромных земель «за Уральским камнем», завоевав Кавказ, Казахстан и среднеазиатские ханства, она превратилась в великую Российскую империю не только по территории и количеству населения, но и по влиянию на мировую политику.

В отношении азиатских соседей, не посягавших на ее государственность, национальную и религиозную самобытность, Россия проводила сначала политику «задабривания» (дань Орде), а позднее – их интеграции в состав единого государства. Отсутствие национальных предубеждений и веротерпимость русских обеспечили завоевание огромных просторов Сибири – от Уральских гор до побережья Тихого океана – горсткой казаков и «охочих» людей при минимальном пролитии крови всего лишь за одно столетие.

Важнейшим импульсом национально-территориального строительства на протяжении всей истории России было стремление обеспечить безопасность и облегчить доступ континентальной державы к окружающему ее водному пространству. Развитие торговли и промышленности настоятельно требовало выхода к открытым морям, а все российские реки впадали либо в Северный Ледовитый океан, либо в контролируемое Турцией «закрытое» Черное море, либо в «каспийский тупик». До XVIII в. страна не имела ни одного незамерзающего морского порта, что полностью исключало ее из характерного для Европы океанического хозяйства. Другим фактором, обусловившим феномен постоянно «убегающей границы», была «географическая обездоленность» России. Суровость климата и скудность почвы заставляли людей уходить на окраины, порождая «народную колонизацию», которая зачастую предшествовала их формальному закреплению.

Проходившее стихийно в течение нескольких столетий поступательное движение людей в восточном направлении не вызывало ни заинтересованности русского правительства, ни беспокойства великих держав до тех пор, пока оно не достигло владений Цинской империи в середине XIX в. Однако тогда на Дальнем Востоке еще не было противника, способного серьезно угрожать там инте-

ресам расширявшегося российского государства. Потребность в незамерзающей гавани на Тихом океане еще не проявилась столь ярко, как позднее, когда решился отрицательно вопрос о выходе России к Средиземному морю. Задача защиты интересов малочисленного русского населения и торговли еще не стояла настолько остро, чтобы вынудить власть пойти на финансовые затраты для интеграции региона с другими частями страны, поэтому ее активность по-прежнему фокусировалась на европейском континенте.

Если на Западе Россия на паритетных началах принимала активное участие в сложных играх по сохранению баланса сил, то на Востоке она долго оставалась единственной великой державой и вплоть до 1860-х годов, когда произошло ее столкновение с Англией в Средней Азии, могла беспрепятственно продвигать свои интересы. Геополитическое поражение, понесенное там англичанами, переместило центр русско-английских противоречий на Дальний Восток, где Лондон нашел союзника в лице Японии.

Исторически преобладавшая ориентация России, великой евроазиатской державы, на Запад была обусловлена как евроцентричным развитием мировой истории, так и традиционными западными взглядами русских царей. Однако к концу XIX в. стала наблюдаться другая тенденция. Отвернувшись от Европы, где каждая внешнеполитическая акция непременно задевала чьи-либо интересы, Россия обратила свой взор к Азии, к безбрежным землям Сибири, к Дальнему Востоку, открывавшему выход на океанский простор, к сопредельным азиатским государствам, торговля с которыми сулила большие выгоды для набиравшей силу русской промышленности.

Побудительные мотивы изменения предпочтений царского правительства коренились в том переходном состоянии, в котором находилась Россия на рубеже XIX–XX вв. Мощные западноевропейские государства, борясь за гегемонию на мировых рынках, беспощадно давили любого конкурента. Несмотря на наличие всех военно-политических атрибутов великодержавности, Россия значительно уступала им по своему промышленному потенциалу, финансовой силе и стояла в одном ряду со странами среднего уровня развития капитализма, поэтому открытая конкуренция с западным капиталом на традиционных мировых рынках была для нее заведомо проигрышной.

Однако русская промышленность, переживавшая в результате индустриализации период бурного экономического роста, требовала расширения возможностей сбыта ее продукции и облегчения доступа к сырьевым ресурсам. Для ускорения индустриализации европейские державы прибегли в свое время к широкой колониальной экспансии, вывозя из захваченных территорий сырье и ре-

ализуя там свои промышленные товары. Владея Сибирью, России незачем было бороться за заморские колонии, а установив тесные связи с азиатскими соседями, она надолго обеспечила свою индустрию рынками сбыта.

Очевидный международный статус проблем, связанных с Азией, с одной стороны, и повышение экономической значимости Сибири в связи с открытием там золотых россыпей – с другой обусловили произошедшие важные изменения в отношении властей к азиатским территориям. Быстрое развитие золотопромышленности уже к середине XIX в. позволило России занять лидирующие позиции в мировой золотодобыче [15, с. 4].

Между тем «поворот на Восток» был мотивирован не только экономическими соображениями. Быстрый прирост населения после отмены крепостного права уже к концу XIX в. крайне обострил проблему малоземелья во внутренних губерниях империи. По прогнозам французского экономиста Эдмона Тэри, при сохранении подобных темпов роста к 1948 г. численность населения России должна была приблизиться к 344 млн человек, что было сопоставимо с расчетами Д.И. Менделеева, говорившего о 560 млн жителей к исходу XX в. [27, с. 109]. Прокормить быстро увеличивавшееся население без существенного расширения посевных площадей было просто невозможно. Выход российское правительство нашло в организации проходившего ранее почти без его участия переселенческого движения. Изменение подхода к переселению ознаменовало собой поворот в освоении Сибири.

По сравнению с первым периодом колонизации, охватывавшим три столетия, когда контакты с Зауральем ограничивались в основном сбором ясака и посылкой исследовательских и торговых экспедиций, усилия правительства на рубеже XIX–XX вв. по переселению и постройке самой протяженной в мире трансконтинентальной железной дороги, развитию в Сибири земледелия и скотоводства, строительству городов и портов, прокладке телеграфных линий и разработке природных богатств выглядели как целостная программа, заложившая основы нового «жизненного пространства» для населения России. Немецкий философ Освальд Шпенглер называл Сибирь особым «резервным пространством» и считал, что с изменением ее демографического состояния и уравниванием с другими русскими регионами геополитический центр Евразии в будущем может сместиться к Востоку [6, с. 302].

Внешнеполитические мотивы обращения России на Восток также были не менее важны. Особенность Российской империи состояла еще и в том, что она была единственной страной, которая соседствовала практически со всеми ведущими азиатскими государствами, а ее граница пересекала азиатский континент вдоль на

всем его протяжении. В этой связи, несмотря на выдвижение в определенный период на первый план конкретных проблем двусторонних отношений (русско-турецких, русско-афганских или русско-японских), все они были взаимосвязаны, переплетены и имели «европейские корни».

Углубление противоречий великих держав в Азии стало следствием происходивших тогда серьезных политических и экономических изменений в Европе, сопровождавших в последней трети XIX в. становление нового мирового порядка. На смену венской системе, которая, хотя и обеспечила относительное успокоение Старого Света, но не устранила конфликтов между великими державами, пришла новая система международных отношений, основанная на принципе баланса сил. «Realpolitik» (реальная политика) исходила из трезвой оценки положения конкретного государства в мире и ставила во главу угла национальные интересы. Это не исключало противоборства великих держав как в центре, так и на периферии новой системы, где оно вылилось в марафон колониальных захватов, в котором сначала доминировали Англия и Франция, а потом их примеру последовала и Германия.

Другим фактором, препятствовавшим достижению равновесия сил, стали глубокие сдвиги в хозяйственном развитии отдельных государств и мировой экономики в целом. В условиях сокращения былого могущества Британской империи ее главные усилия на международной арене сконцентрировались на противодействии России, чье активное продвижение по всем направлениям давало серьезный повод для беспокойства, и Франции, колониальные амбиции которой везде сталкивались с британскими. Следуя своей традиционной политике «загрэбать жар чужими руками», Англия стремилась найти «солдата» на европейском континенте. На эту роль в Лондоне прочили Германию, однако марионеткой она не стала. Искусно созданная Отто фон Бисмарком хитроумная система альянсов ограждала Австрию от агрессии русских, Россию — от авантюры австрийцев, Германию — от создания враждебного окружения, а Англию включала в дело защиты Средиземноморья от «русского экспансионизма».

С уходом «железного канцлера» концепция равновесия сил исчерпала свой потенциал. Сменивший его Георг Лео фон Каприви был активным поборником перехода от баланса сил в Европе к стратегии «Weltpolitik» (мировая политика), предполагавшей борьбу за мировую гегемонию. Балканский кризис 1885–1886 гг., в результате которого Болгария вышла из-под контроля России и стала союзницей Турции, способствовал повороту в европейской политике Российской империи. Взаимные симпатии Парижа и Петербурга материализовались в двустороннем пакте, трансформиро-

вавшемся в секретную военную конвенцию 1892 г., которая фактически оформила союз двух государств [см.: 23].

На рубеже 1880–1890-х годов перед Россией вновь со всей остротой встал вопрос определения приоритетов ее государственных интересов. Важнейшей целью в Европе оставалось сохранение баланса сил, которому угрожала растущая мощь Германии, сблизившая интересы России и Франции. На ближневосточном направлении стояли две взаимосвязанные задачи: укрепить влияние на Балканах и изменить к собственной выгоде режим действия проливов. Русское правительство, сталкиваясь там с конкуренцией почти всех великих держав, предпочитало отложить до лучших времен их решение. На Среднем Востоке Россия стремилась закрепится на рубежах, на которые она вышла в 1860–1880-е годы, и утвердить свое влияние в Персии. Вопрос о ее выходе к Индийскому океану не стоял, но Англия относилась к российской политике в регионе с величайшей подозрительностью и пыталась переиграть своего «исторического» соперника, делая акцент на неспокойных Балканах и на Дальнем Востоке, где военно-политические и экономические позиции России были еще слабы.

Несмотря на то что в Сибири и на Дальнем Востоке Россия присоединила фактически ничейные земли, их геополитическое расположение было таково, что они неизбежно становились тем «блоком раздора», дележ которого привел к серьезному обострению ситуации в Восточной Азии. Для будущего Российской империи было жизненно «необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, т.е. вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии» [19, с. 379].

В конце XIX в. на территории сопредельных с Российской империей азиатских стран завидную активность проявляли Англия, Германия и США. Модернизированная после «революции Мэйдзи» Япония всеми силами стремилась закрепится на материке, подчинив себе «недвижный» Китай и «ничейную» Корею. Тихоокеанское побережье оставалось одним из немногих регионов мира, где еще сохранялись «колониальные вакансии», на которые наперебой претендовали великие державы. Японо-китайская война 1894–1895 гг., ставшая ярким дебютом обновленных вооруженных сил Японии, изменила всю военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке. После нее там произошли события, которые внесли существенные коррективы в расстановку сил на международной арене в целом.

«Азиатский вопрос» выдвинулся в ранг проблем мировой политики, поэтому сохранение территориальной целостности империи, укрепление связей с ее азиатскими окраинами и расширение зоны влияния в Азии стали для России приоритетными государ-

ственными задачами. Взаимосвязь и взаимовлияние ситуации в Европе и Азии на протяжении второй половины XIX в. проявлялись с неумолимой очевидностью. Как только наступало затишье на одном конце Евроазиатского континента, энергия борьбы прорывалась на другом, выливаясь в схватки за колонии и сферы влияния.

Переход на рельсы капиталистического развития, возросшая интеграция России в мировые процессы и ее включение в борьбу за раздел и передел мира ставили перед правительством задачу скорейшей модернизации экономики, предполагавшую строительство современной индустрии и поднятие сельского хозяйства. Однако одновременно выполнять обе эти задачи Россия была не в состоянии.

Сторонником и активным проводником политики «напряженного развития капитализма» в короткие сроки стал выдающийся государственный и общественный деятель С.Ю. Витте. Особое место в своей программе он отводил торгово-финансовым связям с южными и восточными соседями Российской империи. С.Ю. Витте, всегда питавший расположение к Европе и рассматривавший Россию как ее часть, в данном случае выступил как практик «евразийства». По его мнению, сначала необходимо было подчинить себе рынки сопредельных восточных государств, а потом, укрепившись в Азии и черпая ее ресурсы, стать могущественным экономическим соперником европейских держав. В апреле 1893 г. в докладе С.Ю. Витте изложил суть своей стратегии, включавшей два базовых элемента: создание находившихся под контролем государства смешанных русско-азиатских банков с участием западного капитала и ускоренное сооружение железных дорог на восточных окраинах страны [29, с. 12]. Фактически его доклад стал первым наброском программы действий русского правительства в Азии.

С.Ю. Витте говорил о необходимости поступательного движения в восточном направлении, о выгодах срединного положения России. Однако его установка на экономическую экспансию, выразившаяся в создании Персидского и Русско-Китайского банков, проведении КВЖД и ЮМЖД¹, приобретении на правах аренды незамерзающего океанского порта Дальний (ныне Далянь), отражала в первую очередь стремление петербургского кабинета ограждать районы колонизации от внешнего влияния путем образования буферных зон и перемещения туда части военно-морских и сухопутных сил.

Предметом особого внимания С.Ю. Витте стало сооружение трансконтинентальной железной дороги. 6 (18) ноября 1892 г. он

¹ Китайско-Восточная железная дорога, Южно-Маньчжурская железная дорога.

подал Александру III докладную записку «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути», в которой указал, что новая дорога призвана отвлечь часть грузов от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на дальневосточные рынки [18, с. 10–17]. Он говорил о необходимости связать постройку дороги с колонизацией Сибири, созданием целой «цепи деревень от Урала от Тихого океана». Магистраль должна была консолидировать империю, способствовать вовлечению вновь осваиваемых территорий в ее хозяйственно-экономическую жизнь.

Неоспоримо было и стратегическое значение Транссиба для России. Магистраль существенно меняла темп и масштаб российской внешней политики на Дальнем Востоке и тем самым вела к серьезной перегруппировке сил в регионе. С завершением ее строительства, как полагали тогда, «Россия на востоке Азии не номинально, а действительно будет тем, что она есть по признанию ее друзей и недругов в Европе. Насколько дорога сокращает расстояние Европейской России от Азиатского Востока, настолько она увеличивает нашу силу на этом востоке» [28, с. 283].

Проведение сплошного железнодорожного пути через Сибирь облегчало и в несколько раз сокращало переброску войск к берегам Тихого океана, позволяло создать во Владивостоке современную крейсерскую базу, закрепить за Россией Амур и принять меры против проникновения китайцев в Приамурье. Транссиб вместе с КВЖД и другими дорогами составил единый трансзиатский путь, позволивший доставлять грузы из Европы на Дальний Восток в 3–4 раза быстрее, чем морем. Неслучайно строительство Великой Сибирской магистрали вызвало беспокойство соперников России, хотя оно, в свою очередь, стало закономерной реакцией на усиление интереса великих держав к российскому Дальнему Востоку.

Развивавшаяся по нарастающей внутри- и внешнеполитическая активность России на азиатском направлении провоцировала рост недовольства Англии и Японии. Последняя попыталась силой оружия остановить это продвижение, началась Русско-японская война 1904–1905 гг. Если Токио рассматривал предстоявшее столкновение с Россией как тотальное и мобилизовал все свои ресурсы, то Петербург вероятный конфликт считал локальным, не требовавшим полного напряжения сил. «Борьба наша на Дальнем Востоке с Японией, – говорил еще в 1896 г. контр-адмирал С.О. Макаров, – не будет борьбой двух государств, а борьбой одного государства против колонии другого» [25, с. 533].

Если в 1895 г. Россия вместе с Германией и Францией сумела сдерживать аппетиты Японии, то накануне тщательно подготовлен-

ной последней в военном, финансовом и дипломатическом отношении войны она осталась в одиночестве. Падение Порт-Артура (2 января 1905 г.) не только обнажило военную несостоятельность русской армии, но и стимулировало вызревание социального кризиса в стране. «Маленькая победоносная война», по образному выражению В.К. Плеве, обернулась мощным социальным взрывом — началась Первая русская революция. Мукденское поражение (10 марта 1905 г.) нанесло еще один удар по международному престижу России. Непосредственной реакцией на него стал отказ парижских банкиров предоставить ей уже согласованный заем. Цусимский разгром (15 мая 1905 г.) наряду с революционным подъемом внутри страны дал повод для разговоров на Западе о скором крахе империи Романовых. В таких условиях необходимость покончить с войной и бросить все силы на борьбу с революцией была очевидной.

Расчеты Петербурга заключить «благоприятный» мир основывались на том, что Россия, несмотря на поражения, все еще могла продолжать войну, тогда как военные и финансовые ресурсы Японии были полностью истощены. Портсмутский договор (5 сентября 1905 г.) зафиксировал преобладающее положение Японии на Дальнем Востоке. Он нанес тяжелый удар геополитическим интересам России в этом регионе: она лишилась части территории, понесла значительные людские и материальные потери, вынуждена была поступиться и частью природных богатств. Договор носил в известном смысле прелиминарный характер. Он «составлен был в общих выражениях», что давало возможность для различных толкований документа и при отсутствии примирительного подхода таило опасность новой военной коллизии [13, с. 13].

Поражение в войне с Японией прервало поступательное движение России на Восток и привело к повороту ее геополитического вектора обратно в сторону Европы, где в то время ситуация стала обостряться. Только этим Николай II и его окружение могли оправдать потерю Южной Маньчжурии и Ляодунского полуострова, служивших стратегическим «предпольем» страны на Дальнем Востоке. По своим геополитическим последствиям Русско-японская война оказалась значительно важнее, чем некоторые более продолжительные и кровопролитные войны, которые прежде вела Россия. Она обернулась не только военным, но в первую очередь политическим поражением страны. В споре за гегемонию на Дальнем Востоке последнее слово осталось за Японией, что предоставило дополнительные аргументы сторонникам прозападной ориентации российской внешней политики.

Портсмутский мир завершил собой первый этап «азиатской программы». После Русско-японской войны и последовавшей за-

тем революции 1905–1907 гг. логика международных отношений заставила Россию свернуть свою деятельность в Корее и ограничить ее в Китае, а также пойти на сближение с Антантой, что привело ее к участию в Первой мировой войне и свержению самодержавия.

Потрясения 1904–1906 гг. серьезно замедлили выполнение намеченных планов по освоению и заселению азиатских окраин империи. Переселенческое движение, спад которого наметился после «боксерского восстания» в Китае 1900–1901 гг. и неурожая в Сибири в 1900 г., в последующие годы почти совсем прекратилось. Принятые 6 июля 1904 г. «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» во время Русско-японской войны практического применения не получили, а землеустроительные работы за Уралом были фактически свернуты. Строительство транспортных артерий, столь необходимых для хозяйственного развития восточных территорий, резко замедлилось. В годы войны однокорейная Транссибирская магистраль, еще не достроенная в районе Байкала, не справлялась даже с перевозкой войск, не говоря уже о коммерческих грузах. Слабая экономика дальневосточного региона приходила в упадок, в ней все более укреплялся иностранный капитал.

В таких условиях С.Ю. Витте считал необходимым прежде всего «успокоить» страну и спасти самодержавие. В интересах подавления революции, по его мнению, нужно было решить две задачи: возратить из Маньчжурии армию и получить за границей крупный займ. Предпосылкой для возвращения войск в европейскую часть страны могло стать улучшение отношений с Японией. С.Ю. Витте высказал мысль о том, что для налаживания более или менее прочных связей со «Страной восходящего солнца» «нельзя ограничиваться Портсмутским договором, нужно пойти далее и установить *entente cordiale* с этой державой, род союзного, но ограниченного договора...» [4, с. 470].

Стремление избегать «военных осложнений» было характерной чертой российской политики и на других направлениях. Главные идеи С.Ю. Витте — передышка в международных делах, ускоренное освоение окраин, проведение аграрной реформы и преобразований в других сферах — после его отставки с поста премьер-министра стал успешно претворять в жизнь еще один великий сын Отечества — П.А. Столыпин. С его выходом на политическую арену в эволюции государственной политики в Азии начался новый этап. В своей первой речи перед депутатами II Думы он «встроил» вопрос об обустройстве деревни в целую серию реформ, объявил о необходимости превращения России в «государство правовое», которое «в

пределах новых положений не может отойти от заветов истории» [31, с. 51, 53]. Под последними он подразумевал православие и монархию.

Восточные окраины интересовали его главным образом с точки зрения перспективного развития страны в целом. Рассматривая Сибирь как новое «жизненное пространство», он планировал постепенно распространить на нее все аграрное законодательство, ввести там крестьянскую собственность на землю и хуторско-отрубную систему землевладения. Благодаря этому в зауральском крае, где были слабы общинные традиции и отсутствовало помещичье землевладение, должен был появиться слой фермеров — основа будущего подъема экономики окраин. В крестьянской России кратчайшим путем ее реформирования была аграрная реформа, направленная на разложение общинных порядков и создание в лице крестьян-собственников новой социальной опоры монархии. Не тотальное разрушение общины планировал П.А. Столыпин, а создание альтернативного ей института фермерства [29, с. 25]. Ставка на «крепкого мужика» и столыпинский тезис о том, что «заселение важнее переселения», после замены Б.А. Васильчикова А.В. Кривошеиным в мае 1908 г. на посту руководителя Главного управления землеустройства и земледелия постепенно стали доминировать на азиатском направлении.

Аграрная реформа внесла крупные изменения в правительственную политику в отношении сибирских и дальневосточных окраин, которые занимали ключевое место в столыпинских планах строительства «Великой России» и должны были служить ее главным колонизационным районом. Русский народ, утверждал П.А. Столыпин, «всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, <...> что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению...» [31, с. 129]. Идея его была, в сущности, проста и не нова: для того чтобы с помощью колонизации решить общенациональные задачи, нужно связать стихийно шедшее переселенческое движение с государственными потребностями. После опубликования указа 10 марта 1906 г. начался резкий подъем переселенческого движения, принявшего небывалый размах [24, с. 24].

П.А. Столыпин считал необходимым построить вторую колею Транссиба и новые железнодорожные линии, в частности Амурскую железную дорогу, что было завершено лишь в годы Первой мировой войны. Эти идеи получили одобрение собравшегося в декабре 1906 г. в Иркутске совещания для рассмотрения «Проекта устройства новых и улучшения существующих колесных дорог в Сибири» [21, л. 4]. Эта встреча стала первой организованной попыткой серьезного обсуждения перспективных направлений строи-

тельства транспортной системы Сибири и Дальнего Востока [21, л. 150–159].

Среди всех переселенческих районов наибольшее внимание правительство по-прежнему уделяло Дальнему Востоку, задача заселения которого, с самого начала носившая геополитический характер, приобрела еще большую актуальность в связи с обострением в 1909 г. международной ситуации и усилением влияния иностранцев в регионе. На Камчатке и Чукотке стали появляться американцы, жаждавшие включить Сибирь в сферу своей деятельности. Пользуясь правом беспошлинного ввоза товаров, японцы и американцы постепенно прибирали к своим рукам рынок Приамурья.

В целях ускорения подписания политического соглашения с Японией российской дипломатией были предприняты попытки привлечь к давлению на нее Париж и Лондон. По просьбе Петербурга французское правительство использовало заинтересованность токийского кабинета в крупном займе, заявив, что сможет предоставить его лишь после подписания русско-японского договора. В июне 1907 г., когда переговоры между Россией и Японией близились к завершению, Франция заключила с последней соответствующее соглашение [11, с. 179]. Гораздо меньшее желание помочь Петербургу в переговорах с Японией выказала Англия, что объяснялось ее союзническими обязательствами перед Токио и стремлением использовать дипломатические затруднения России в собственных интересах.

Желания Петербурга урегулировать отношения с Японией было столь велико, что на ходе переговоров почти не сказалось даже заключенное 24 июля 1907 г. новое японо-корейское соглашение, по которому фактически вся власть в Корее переходила в руки японского генерал-резидента, а Россия была поставлена перед свершившимся фактом. 28 июля 1907 г. были подписаны русско-японская рыболовная конвенция сроком на 12 лет и договор о торговле и мореплавании сроком на 4 года. Соглашения с Японией позволили в известной степени притупить антирусское острое англо-японского союза и отчасти стабилизировать неустойчивое положение, сложившееся на Дальнем Востоке после мирного договора.

Ситуация несколько улучшилась после того, как в 1908 г. под давлением торгово-промышленных кругов правительство провело через Думу закон об отмене порто-франко во Владивостоке, но этот режим сохранялся в Камчатской области и портах к северу от устья Амура. Совет министров, обсудив в апреле и мае 1908 г. на своих заседаниях вопрос о деятельности иностранных предпринимателей в регионе, отметил, что «дальнейшее сохранение описан-

ного положения вещей угрожает жизненным интересам России на Дальнем Востоке» [1, л. 49–50].

В июне 1909 г. Совет министров рассмотрел вопрос о подготовке к колонизации района Амурской железной дороги и постановил создать Комитет по заселению Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина. В его состав вошли представители основных министерств, приамурский и иркутский генерал-губернаторы, а также губернаторы Амурской и Приморской областей.

Новым явлением в освоении азиатских окраин в годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, стал обогатившийся переход к их индустриализации. Такую возможность предвидел еще великий русский ученый Д.И. Менделеев, предсказавший, что недалеко уже то время, когда основную ценность для страны будут представлять горные богатства Сибири, на базе которых, «находясь в середине между Европой и настоящей Азией, Россия выработает промышленный строй своей жизни» [17, с. 347].

Развивая освоение восточных окраин, русское правительство не могло не уделять внимания его внешнеполитическому обеспечению. По мнению П.А. Столыпина, государству нужны были по меньшей мере два десятилетия покоя, поэтому в области международных дел глава кабинета, продолжая линию Витте–Ламздорфа, выступал поборником сбалансированного курса, основанного на принципах разумной осторожности и категорического неприятия любых авантур. В вопросе о необходимости для России мирной передышки министр иностранных дел А.П. Извольский был с ним солидарен, но считал, что будет достаточно и десяти лет. Главное — он расходился с премьером в вопросе о преобладающем направлении внешнеполитических усилий [9, с. 190]. А.П. Извольский полагал, что приоритетными для государственных интересов России на рубеже веков являются европейское и ближневосточное направления, а потому утверждал: «...мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России» [14, с. 31].

Ситуация на Дальнем Востоке с каждым днем становилась все напряженнее. В феврале 1909 г. приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер направил П.А. Столыпину записку, в которой предрекал неизбежность скорого военного выступления Японии. Последняя, по словам автора, «не только закрепила занятое ею положение в Корее и в Маньчжурии», но и подготовилась к «новым агрессивным действиям на Азиатском материке». Он считал, что основной целью Японии остается отеснение России от берегов Тихого океана и ничто не помешает ей захватить Владивосток и Приамурье ввиду «полной беззащитности России» в данном регио-

не. В качестве мер противодействия он предлагал как можно скорее «заселить край русскими, ускорить постройку Амурской железной дороги, укрепить Владивосток и устье Амура, усилить сухопутные войска и флот» [2, л. 45–47]. Этому же добивалось и Военное министерство. В докладе, направленном в Совет министров в апреле 1909 г., военный министр В.А. Сухомлинов указывал, что в условиях роста «военного могущества Японии» нельзя сосредоточивать все силы России на западных границах [22, л. 1–2].

4 июля 1910 г. в Петербурге было подписано новое русско-японское соглашение [5, с. 176–177]. Выделение сфер «специальных интересов», которые подразумевали всю совокупность политических, экономических и военных факторов, существенно отличало данный документ от конвенции 1907 г., придавая ему некоторые черты союзного договора. Означая на практике создание своеобразного русско-японского «единого фронта» в Северо-Восточном Китае, оно зафиксировало новый этап в их двусторонних отношениях: взаимопонимание перед лицом исходившей от США угрозы в геополитически значимом для обеих стран регионе и неприемлемость на данном этапе потенциального ущерба от конфронтации друг с другом. Именно соглашение 1910 г., а не Портсмутский договор, окончательно закрепило позиции России на берегах Тихого океана. Для Японии оно означало кульминацию 15-летних усилий, направленных на то, чтобы утвердиться на севере Китая и тем самым обеспечить себе «жизненное пространство» на континенте. Если российское правительство хотело в первую очередь сохранить status quo на Дальнем Востоке, т.е. исходило из целей обороны, то токийский кабинет стремился использовать договор не только в качестве противовеса США, но и для дальнейшего наступления на Китай и Корею. «Оборонительная позиция» России объяснялась тем, что вести одновременно активную политику на Востоке и на Западе ей не по силам. Дальнейший выбор зависел от баланса сил в ее правящих кругах, который после проигранной войны изменился в пользу сторонников европейского направления.

Продвижение государственных интересов России в азиатском регионе в 1906–1914 гг. проходило под знаком двух противоречивых тенденций. Поражение в Русско-японской войне обусловило постепенное смещение геополитических приоритетов из Азии в Европу. Первая русская революция со всей очевидностью показала необходимость проведения глубоких общественно-политических и социально-экономических преобразований в стране. Подобная модернизация была возможна только в условиях достаточно длительной передышки в международных делах, которая была невозможна при «возвращении» России в Старый Свет, где взаимоотношения великих держав день ото дня становились все напряженнее.

Несовпадение внутри- и внешнеполитических задач страны дополнялось противоречивостью ее исторической эволюции от абсолютной к буржуазной монархии.

Россия, косвенно уже связанная с Антантой посредством союза с Францией, подписав с Англией Конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г., а также новый договор с Японией, сделала шаг в сторону англо-франко-русского Тройственного соглашения. Заключенные соглашения наряду с восстановлением прежнего веса России во франко-русском блоке стали исходной точкой обратного поворота вектора интересов государства в сторону Европы с дополнительным центром притяжения на Балканах. Ликвидируя «наследие графа Ламздорфа в Азии», А.П. Извольский неумолимо толкал страну в эпицентр назревавшего глобального конфликта. Осознание того, что победа Англии сопровождалась бы меньшим нарушением европейского баланса сил, чем успех Германии, выражалось в еще большем вовлечении Российской империи в европейские дела.

В июне 1911 г. после трудных пятилетних переговоров между Японией и Россией были подписаны две конвенции – о взаимной охране торговой и промышленной собственности подданных одного государства на территории другого и о взаимной охране такой же собственности на китайской территории [16, с. 331]. Проявляя известную сдержанность в отношении великих держав, Россия, тем не менее, весьма болезненно реагировала на любое умаление ее прав и привилегий со стороны Китая. Большую роль в российско-китайских отношениях продолжали играть вопросы торговли [30, с. 337–338]. Помимо торговых разногласий на состоянии двусторонних связей в рассматриваемый период сказывались события во Внешней Монголии (Халхе), которая обладала внутренней автономией, а китайское правительство всячески стремилось ее урезать. Российский интерес был обусловлен тем, что Монголия являлась важным поставщиком сырья и скота на русский рынок [7, с. 475–476].

Разрешение накопившихся проблем во взаимоотношениях России и Китая проходило уже на фоне начавшейся в Поднебесной в октябре 1911 г. революции. После признания автономии Монголии правительство Юань Шикая 5 ноября 1913 г. подписало соответствующее русско-китайское соглашение [26, с. 100–102]. Получив подтверждение договоров цинского правительства, Петербург признал республиканский строй в Китае. Весной 1914 г. Россия, невзирая на недовольство западной прессы, вывела свой воинский отряд из Чжилейской провинции, вынудив тем самым другие державы последовать ее примеру.

В сентябре 1911 г. после убийства П.А. Столыпина Совет министров возглавил В.Н. Коковцов, сохранивший свой пост и в Ми-

нистерстве финансов. Продолжая начатый его предшественником курс на постепенное преобразование экономических устоев страны и мирную политическую эволюцию самодержавия в сторону конституционной монархии, он считал, что «между внутренней и внешней политикой имеется <...> органическая связь», требующая «согласованных действий правительства» [20, л. 266–268]. Именно учитывая внутривластную обстановку, новый премьер твердо отстаивал идею о невозможности для России рисковать вступлением в «большую» европейскую войну, хотя и не был сторонником «азиатского» курса.

Логика развития ситуации на европейском политическом театре накануне мировой войны обусловила необходимость сосредоточения внимания Российской империи на данном направлении. Япония фактически являлась союзником Антанты, и в целом русско-японские отношения были урегулированы, однако проблема безопасности «дальневосточного тыла» не снималась с повестки дня вплоть до заключения 3 июля 1916 г. в Петербурге русско-японского союзного договора [10, с. 524–529]. Несмотря на то что он, несомненно, содействовал упрочению Антанты, существенных выгод России договор не принес.

Проводившийся обширный комплекс мер по интеграции сибирских, среднеазиатских и дальневосточных окраин в общественную и экономическую жизнь империи при всей их половинчатости и незавершенности, без сомнения, можно расценить как комплексную целенаправленную стратегию, возведенную в ранг важнейших государственных приоритетов.

Политика России по продвижению и защите своих государственных интересов в Азии задумывалась и выполнялась как триединая задача. Первая — переселение, сначала рассматривавшееся как средство ликвидации малоземелья в центральных губерниях и принявшее затем характер заселения окраин. Вторая — хозяйственное освоение, цели которого эволюционировали от использования восточных земель в качестве сельскохозяйственного и сырьевого придатка вступившей в фазу подъема экономики страны к первым попыткам их индустриализации на базе расширения транспортной сети и развития добывающей промышленности. Третья — обеспечение безопасности восточных окраин путем создания буферных зон на территории соседних государств и урегулирования с ними спорных вопросов.

К началу Первой мировой войны в решении всех трех задач были достигнуты немалые успехи, хотя ни одна из них не была реализована в полном объеме. Этому препятствовал ряд объективных факторов: ограниченность материальных средств, сложная международная и внутренняя ситуация, несоответствие численно-

ти населения и важности общегосударственных задач, исторически возложенных на азиатско-дальневосточный регион. К числу субъективных факторов можно отнести межведомственную разобщенность, разногласия в правительственных сферах, а также склонность монарха менять свое мнение и поддаваться стороннему влиянию. Тем не менее «большая азиатская программа» императора Николая II способствовала удвоению численности сибирского населения, значительному пополнению хлебных закромов империи и расширению производства продуктов животноводства. Но главное — она укрепила международный престиж страны и консолидировала ее, позволив сохранить за Россией те земли, на которые с вождением взирали ее соперницы.

Безусловно, позитивным моментом преобразований конца XIX — начала XX в. была сама попытка пересмотра традиционной западной внешнеполитической ориентации России и сбалансирования ее интересов на Западе и Востоке, трансформировавшаяся в активизацию внешне- и внутриполитических усилий правительства в среднеазиатском, сибирском и дальневосточном направлениях. Одним из важнейших уроков «поворота на Восток» на рубеже веков стало осознание необходимости выработки комплексной и долговременной программы, базирующейся на наличных ресурсах и возможностях государства.

«Вернувшись в Европу», Россия окунулась в ее проблемы, оставив до лучших времен все свои начинания на Востоке. Здравомыслящие государственные деятели, такие как П.А. Столыпин, решительно возражали против участия страны в войне при каких бы то ни было обстоятельствах. Обязательным условием для «качественного скачка», который в то время могла совершить Россия, был длительный период мирного развития, но история не дала ей «двадцати лет покоя»: связанная соглашением с Францией и конвенцией с Англией, она вмешалась в общеевропейскую «разборку». Вступив в войну, когда этого еще можно было не делать, Россия вышла из нее, когда этого уже не следовало делать. Потеряв, «таская каштаны из огня» для англичан и французов, 5 млн человек, она ничего не приобрела, а европейские союзники «отблагодарили» ее сначала военной интервенцией, а затем изоляцией.

Последующий период отечественной истории, событийно очень насыщенный, не внес существенных корректив в ориентированную на Запад внешнеполитическую линию. Стремление «разрушить все до основания» практически не коснулось стратегических установок в отношении европейских стран и США, повышенный интерес к которым доминировал на протяжении всего XX столетия.

Значимость грандиозных проектов начала прошлого века во всей полноте проявилась во время Великой Отечественной войны,

когда Сибирь, в прошлом дикий и необжитый край, стала базой для развертывания эвакуированных заводов, поставщиком продовольствия и людских ресурсов (сибирские дивизии). Освоение целинных земель Казахстана и строительство ответвления Транссиба — Байкало-Амурской магистрали — были продолжением политики полноценного включения восточноазиатских территорий в хозяйственно-экономическую жизнь страны. 1950–1960-е годы ознаменовались началом промышленного освоения нефтегазовых запасов Западной Сибири, ставшей основной ресурсной базы СССР, создания целой системы трубопроводов. В 1955 г. было открыто богатейшее месторождение алмазов в Якутии. К 1970–1980-м годам относится разработка богатств Дальнего Востока. Однако из-за распада Советского Союза многие транспортные и добывающие проекты, имевшие не только экономическую, социальную, но и геополитическую значимость, так и не были завершены.

Если в области внутренней политики в отношении Сибири и Дальнего Востока на протяжении всего XX в. предпринимались определенные шаги по развитию этого огромного региона, занимающего 2/3 российской территории, то внешнеполитический аспект сотрудничества со странами Тихоокеанского бассейна интересовал СССР значительно меньше, чем с государствами, омываемыми другими водами Мирового океана.

Несмотря на то что в межвоенный период на дальневосточных окраинах страны происходили события, оставившие свой след на скрижалях всемирной истории (провокации на КВЖД, вооруженные конфликты с Японией в районе озера Хасан (1938) и реки Халкин-Гол (1939) и др.), этот регион на время просто «выпал» из поля зрения советского руководства. Большая политика делалась в Европе — распространение фашизма неуклонно вело к новой мировой войне.

Именно в европейских капиталистических странах СССР видел своих главных врагов, там же позднее нашел, а точнее, создал блок своих идеологических и военных союзников. В эпоху «холодной войны» государственные интересы страны полностью сосредоточились на Западе, и ее усилия на Востоке ни по масштабам, ни по материальным вложениям не шли в сравнение с «большой азиатской программой» правительства Николая II.

В послевоенный период имевшие там место события, хотя и происходили с участием европейских государств, но все же носили преимущественно локальный, региональный характер. Это агрессия Франции во Вьетнаме (1945–1954) и Лаосе (1946–1953), разделение Кореи и Вьетнама, американо-вьетнамская война (1964–1973), «большой скачок» Поднебесной (1958–1960), обострение советско-китайских отношений и вооруженный конфликт на гра-

нице в районе острова Даманский (1969), интервенция Вьетнама в Кампучию и Китая во Вьетнам и др.

Несмотря на наличие очевидных разногласий между странами региона, после вьетнамской войны им удавалось сохранять стабильность. В противовес европейской конфликтности азиатская ситуация демонстрировала особый вид «устойчивости», которая удачно балансировала между последствиями открытой конфронтации и «плохого» мира. Периодически возникавшее напряжение в межгосударственных отношениях нейтрализовывалось признанием выгод от взаимного сотрудничества и общими глобальными интересами. «Опыт показывает, что региональные противоречия, даже оставаясь неурегулированными и периодически прорываясь на поверхность, вместе с тем не вылились в войны, сопоставимые с боснийской, армяно-азербайджанской или таджикской. Восточная Азия постоянно находилась “на пороге” большого конфликта, но этот порог так и не был, в сущности, перейден» [3, с. 9].

За последние десятилетия этот обширный регион претерпел колоссальные изменения, коренным образом трансформировавшие его облик. Речь идет о формировании Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) как новой геополитической общности, имеющей свои экономические интеграционные объединения. В некоторых странах произошла смена политического строя, изменились их границы. Экономика ряда малых и средних государств АТР пережила небывалый экономический скачок, превративший их в серьезные региональные игроки.

Пройдя за 100 лет путь от «задворков цивилизации» до «инвестиционной губки», в конце XX в. АТР превратился в наиболее динамично развивающийся регион мира. При сохранении существующих темпов роста совокупный объем ВВП стран Восточной Азии к 2020 г., согласно прогнозам, значительно превзойдет аналогичный показатель США, Канады и Мексики вместе взятых [34, с. 130]. Выгоды от поступательного движения АТР способно извлечь каждое государство, которое непосредственно входит в него и в состоянии эффективно мобилизовать свой потенциал.

Основой быстрого экономического роста стран региона является промышленное производство, которое нуждается в энергии и природных ресурсах, причем этот спрос в обозримом будущем будет только расти, поэтому Россия, используя свою богатейшую ресурсную базу и территориальную близость к демонстрирующим динамизм азиатским странам, готовым вкладывать инвестиции в развитие российской минерально-сырьевой базы, должна расширять сотрудничество с ними, что, в свою очередь, позволит модернизировать собственную экономику и поднять ее на качественно более высокий уровень. Получается некий «замкнутый круг», но

приносящий выгоду всем. В результате «...модернизация экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока станет одним из важнейших локомотивов количественного и качественного роста экономики всей России, обеспечивая при этом наши важнейшие интересы национальной безопасности, нашей территориальной целостности, нашего реального суверенитета» [12, с. 19].

В Европе взаимоотношения уже давно определились — «...кто друг, кто враг, а кто так...». В АТР, государства которого значительно больше, чем европейские страны, отличаются друг от друга по своим размерам, экономической мощи и международному влиянию, формируется принципиально новая система межгосударственных отношений, не зависящая напрямую от названных факторов. Здесь нет жесткого распределения ролей, и каждый позиционирует себя так, как считает нужным. Отсутствие исторической предвзятости в восприятии партнеров позволяет государствам Азиатско-Тихоокеанского региона вырабатывать новый алгоритм взаимодействия. Невероятный динамизм, который демонстрирует ряд некогда зависимых и отсталых стран Юго-Восточной Азии, не только привлекает к ним повышенный интерес, но и обуславливает заинтересованность в сотрудничестве с ними государств, удаленных от региона на тысячи километров. По мнению западных аналитиков, в XXI столетии именно туда переместится центр мирового хозяйства и экономической активности [32, с. 6].

Несмотря на то что после распада СССР Россия по-прежнему занимает лидирующие позиции по размеру территории, а по численности населения пока еще входит в первую десятку крупнейших государств мира, ее геополитическое положение серьезно ослабло. Потеря всех незамерзающих портов на Балтийском море и наиболее важных — на Черном, перемещение государственной границы вглубь страны и утрата многих стратегически значимых объектов, построенных по ее периметру, появление кордона из бывших советских республик и государств «народной демократии», не всегда дружелюбно настроенных к России, — все это политические реалии сегодняшнего дня, с которыми приходится считаться.

Воистину все возвращается на круги своя, и в начале XXI в. новая Россия опять обращает свой взор на Восток. По иронии судьбы многие из причин, вызвавших такой поворот на исходе XIX столетия, и сейчас не потеряли своей актуальности. История развивается по спирали, и в настоящее время, как и три века назад, Россия оказалась «задвинутой» вглубь Евроазиатского континента и встала перед дилеммой геополитического выбора. Традиционная западная русофобия, расширение НАТО, размещение американской системы ПРО и многое другое — все это омрачает отношения

Москвы с объединенной Европой. На Востоке российские позиции несколько предпочтительнее, хотя и там в последнее время возникло немало проблем.

Возрождение воинствующего ислама создает для страны серьезные угрозы на Северном Кавказе, которые стали прямым следствием утраты Россией ее стратегического «предполья» в Закавказье и существенно осложнили обстановку в важных хлебных районах — Ставропольском и Краснодарском краях. В Средней Азии ситуация также складывается не лучшим образом. Появление американских войск в непосредственной близости от российской границы, в традиционной зоне ее геополитических интересов, несмотря на взаимодействие обеих стран в борьбе с терроризмом, — факт крайне неприятный.

В этой связи особую ценность для России в современных условиях приобретает Дальний Восток, являющийся ее «воротами» в Азиатско-Тихоокеанский регион. Обоюдная заинтересованность стран Европы и АТР в развитии взаимовыгодной торговли дает России хорошую возможность, используя преимущества своего географического положения и наличие трансконтинентальной транспортной артерии, стать реальным «мостом» между Западом и Востоком. Эта задача вполне осуществима, несмотря на то что определенную трудность представляет исторически сложившаяся специфика развития дальневосточного и приморского регионов, состоящая в превалировании экономического сотрудничества с зарубежными соседями над взаимоотношениями друг с другом или с центральными районами страны.

Вся протяженная азиатская граница Российской Федерации является ныне объектом повышенного внимания, что обусловлено как доставшимися в наследство нерешенными проблемами, так и спецификой современной международной ситуации. Япония, ушедшая далеко вперед в технологическом отношении, продолжает претендовать на Южные Курилы. Рост военной и экономической мощи Китая наряду с его недостижимым демографическим лидерством неизбежно превращает эту страну в мощную сверхдержаву, чье стремительное усиление, равно как и возможное ослабление, одинаково нежелательны для России.

Особое значение для развития российской экономики, в частности ее высокотехнологического сектора, приобретает сотрудничество с приоритетным торговым партнером в Южной Азии — Индией. Образование в Центральной Азии новых независимых государств и ослабление российского влияния в регионе вновь делают его потенциальной ареной борьбы таких держав, как Иран, Турция, Китай и США, что создает угрозу юго-восточным рубежам нашей страны.

После периода «простоя» Россия вновь проявляет активность на своих восточных территориях, реализуя широкую программу соединения местных железнодорожных магистралей с Транссибом и создания единой региональной энергосистемы, строительства дорог и социальной инфраструктуры. Среди важнейших проектов следует назвать нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», газопроводы «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» и «Якутия – Хабаровск – Владивосток», являющиеся составными частями восточной газовой программы. В наше время наличие трансконтинентальной транспортной артерии, а также нефте- и газопроводов, которые дошли до своей естественной границы – берега Тихого океана, позволяет продолжить начатый Николаем II процесс создания комплексной инфраструктуры региона и его последующей консолидации. Без этого все попытки России занять лидирующие позиции в АТР или хотя бы стать там серьезным игроком заведомо обречены на провал.

Экономическая активность России в регионе слабо диверсифицирована и охватывает преимущественно энергетический сектор, кроме того, она главным образом ограничена рамками Северо-Восточной Азии – Монголией, странами Корейского полуострова, Китаем. В этом контексте одной из важнейших геополитических задач России на современном этапе является выработка оптимальной стратегии ее органичного включения в пока еще только формирующуюся систему интеграционных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российской Федерации необходимо активно участвовать в происходящих в АТР процессах, а не только присутствовать там чисто географически. Закономерными шагами в данном направлении можно считать подключение России в качестве полноправного члена к крупнейшим региональным организациям – Совету по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (1991), Тихоокеанскому экономическому совету (1995), Форуму Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (1998), Форуму «Азия – Европа» (2010), Восточноазиатскому сообществу (2011). Для России также важны партнерство в Форуме региональной безопасности АСЕАН и «внерегиональное членство» в Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО).

Географически Россия расположена на стыке двух мировых интеграционных центров – Европы и АТР, поэтому, усиливая свое присутствие в Азии и консолидируя собственную территорию, она имеет реальный шанс стать ключевым звеном евразийского экономического и политического пространства.

Россия может и должна утвердить себя в новом статусе – «энергетической супердержавы». В наш «энергетический век» экспорте-

ры нефти и газа, влияющие на ценообразование и баланс спроса и предложения, а также транзитеры энергоресурсов играют важную роль в мировой политике вне зависимости от размера территории. Уникальность же России состоит в том, что она является единственным в мире государством, которое входит в тройку лидеров и по добыче, и по разведанным запасам нефти и газа. Воспользоваться этим преимуществом во благо страны – вот насущная задача. Несмотря на то что у России недостаточно дешевой конкурентоспособной продукции, которую она могла бы предложить соседям по АТР, ей есть чем заинтересовать партнеров – это энергетические, минеральные, лесные, водные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, транспортные артерии (железнодорожные и морские) и т.п.

При сложившемся новом раскладе сил в Евразии современной России неизбежно придется вырабатывать свою «азиатскую программу», поэтому по-прежнему актуально в наши дни звучит предупреждение П.А. Столыпина: «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию» [31, с. 120].

Сегодня российский внешнеполитический флюгер опять показывает на Восток, но подчиняется он не силам природы, а вполне объективным законам мировой политики. Безусловно, нельзя «повернуть назад колесо истории», чтобы наверстать упущенное, но Россия может и должна повлиять на направление и скорость его движения, дабы сейчас в полной мере воспользоваться представившейся возможностью занять в Азиатско-Тихоокеанском регионе достойное ее место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. 1908. Д. 754.
2. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. 1909. Д. 1640.
3. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3 т. Т. 2. М., 1960.
5. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
6. *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
7. *Златкин И.Я.* Первая русская революция и международное революционное движение. Ч. 2. М., 1956.
8. Из речи в английской палате общин 1 марта 1858 г. премьер-министра Великобритании виконта Генри Джона Темпла Пальмерстона // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2003.

9. *Извольский А.П.* Воспоминания / Пер. с англ. М., 1989.
10. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
11. История дипломатии: В 5 т. / Под ред. А.А. Громыко и др.; 2-е изд. Т. 2. Дипломатия в Новое время. 1871–1914. М., 1963.
12. *Кокошин А.А.* Вопросы долгосрочного развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте глобальной политической и экономической динамики. М., 2012.
13. Красный архив. 1924. Т. 7 // Журнал совещания 21 сентября 1905 г.
14. Красный архив. 1935. Т. 2–3 (69–70).
15. *Кузнецов А.С.* Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 3–26.
16. *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988.
17. *Менделеев Д.И.* О проблемах экономического развития России. М., 1960.
18. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С.Ю. Витте / Под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916.
19. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М., 1992.
20. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 29.
21. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 331.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 522.
23. *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.
24. Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
25. Россия и Япония на заре XX столетия: Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под ред. генерал-майора В.А. Золотарева. М., 1994.
26. Русско-китайские отношения, 1689–1916: Официальные документы. М., 1958.
27. *Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В.* Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991.
28. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1896.
29. *Сироткин В.Г.* Великие реформаторы России. М., 1991.
30. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
31. *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 / Под ред. Ю.Г. Фельшинского. М., 1991.
32. Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года: Аналитический доклад / Науч. рук. А.А. Кокошин, коорд. Н.Г. Константинов, В.Н. Саунин. М.; Иркутск, 2011.
33. *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. М., 1993.
34. *Шишков Ю.В.* НАФТА: истоки, надежды и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 123–136.